

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА УИЛЬЯМА Д. ХЕЙВУДА

Сравнительно недавно на хранение в Библиотеку Рейтера в Детройте (США) бывшим секретарем Уильяма Д. Хейвуда мисс Э. Сервисс были переданы два его неизвестных ранее письма¹. Каждое из них, будучи связанным с поворотными событиями в судьбе самого Хейвуда и рабочего движения США, имело свою необычную биографию.

1 апреля 1918 г. в здании федерального суда в Чикаго начался знаменитый «большой процесс» над группой руководителей и активистов Индустриальных рабочих мира (ИРМ). Судилище в Чикаго не было изолированным явлением, хотя буржуазная печать пыталась представить его как справедливый акт возмездия в отношении кучки особо опасных заговорщиков, в беспричинной злобе и сумасбродном отрешении от реальности поднявших руку на святыни Америки: конституционный порядок, верность флагу, право частной собственности.

Америка с конца 1917 г. вступила в полосу жестоких классовых столкновений и резкой активизации внутренней реакции. Чикагский процесс был лишь эпизодом в хорошо скоординированной и целенаправленной операции правящих кругов и карательно-репрессивного аппарата, рассчитывавших с ее помощью сокрушить внутреннюю крамолу и обезволить рабочее движение, испытывавшее на себе сильное влияние революционных событий в Европе. Этому процессу предшествовала полоса арестов, полицейских облав, погромов, осуществленных повсюду, где деятельность ИРМ и других левых организаций принимала сколько-нибудь заметные размеры. Джон Рид писал в сентябре 1918 г.: «Были совершены налеты на помещения ИРМ, делегаты местных съездов организации бросались в тюрьмы, на ее печатные органы был наложен запрет, рабочие тысячами загонялись в камеры предварительного заключения, и вся полиция в лице добровольческих или регулярных формирований присоединилась к этой

¹ Wm. D. Haywood to Elizabeth Serviss, Sept. 5, 1918; May 18, 1921.— Archives of Labor and Urban Affairs, Walter Reuther Library, Wayne State University, Fox Collection.

кампании насилия и террора против ИРМ, на членов которой навесили ярлык германских шпионов...»².

У буржуазии были свои причины бояться ИРМ и добиваться ее уничтожения. Образовавшаяся под непосредственным влиянием первой русской революции, ИРМ вписала немало ярких страниц в летопись классовых боев американского пролетариата своей мужественной борьбой против капиталистической эксплуатации, за гражданские права трудящихся и интернациональное сплочение рабочих. В. И. Ленин писал, что в лице ИРМ «мы имеем дело с глубоко пролетарским и массовым движением, которое в основе своей стоит фактически на почве коренных принципов Коммунистического Интернационала»³.

Несмотря на все трудности, синдикалистские увеличения и тактические промахи, ИРМ пользовалась большим влиянием в рабочих низах, среди низкооплачиваемых и наиболее эксплуатируемых категорий трудящихся. И именно поэтому правящий класс и весь аппарат насилия буржуазного государства на разных уровнях — от федеральных ведомств защиты «порядка» до местных «заступников кнута и плети» — с самого момента возникновения ИРМ подвергали организацию и всех, кто был причастен к ее деятельности, жестоким преследованиям. Это была война на истребление, война беспощадная и не имевшая никакого законного оправдания. Судебными преследованиями, погромами местных организаций, произвольными арестами руководителей и заточением их в тюрьмы на неопределенный срок (в порядке «превентивной меры»), истязаниями и убийствами — вот чем обернулась буржуазная демократия для организации рабочих, смело бросившей вызов реальному бесправию, социальной несправедливости, бескрайнему оппортунизму и шовинизму верхушки АФТ во главе с С. Гомперсом⁴.

Мартиролог убитых, расстрелянных и замученных линчевателями активистов и видных руководителей ИРМ исчислялся многими десятками и даже сотнями имен. Тысячи уоббли (т. е. члены ИРМ) прошли через тюремные застенки, были искалечены в результате побоев, подверглись унижительной процедуре депортации. Классовый террор буржуазии особенно усилился после того, как ИРМ определила свое отношение к начавшейся в 1914 г. мировой войне, со вступлением в которую американский империализм связывал особые надежды, — войне империалистических хищников за раздел внешних рынков. Стоило руководству ИРМ в феврале 1917 г. выступить с предупреждением: «Капиталисты Америки! Мы будем воевать против вас, а не за вас!»⁵ — как немедленно эта организация была названа кайзеровской агентурой, смертельным врагом отечества, посвятившей всю себя саботажу военных усилий США⁶.

После Октября 1917 г., в обстановке «красной паники», антирадикальной истерии, раздутой правящим классом страны, с целью воспрепятствовать распространению идеалов социалистической революции, ИРМ становится главным объектом травли и

кампании преследований левых и прогрессивных сил. Это объясняется тем, что ИРМ и большинство ее лидеров восторженно встретили весть о победе российского пролетариата и его партии в борьбе за власть.

В лице признанного лидера ИРМ Уильяма Д. Хейвуда социалистическая революция в России нашла одного из самых горячих своих сторонников и пропагандистов. «Это то, о чем мы мечтаем», — сказал он, услышав о победе вооруженного восстания в Петрограде⁷. Весь жизненный путь Хейвуда с момента, когда он 15-летним подростком спустился в шахту рудника родного штата Невада, подвел его к этому решению. Э. Г. Флини, в прошлом председатель Коммунистической партии США, хорошо знавшая Хейвуда лично, писала, что он был подлинным символом «широчайшего политического и классового единства» трудящихся⁸. Вот эта величайшая преданность идее пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма помогла Хейвуду с самого начала по достоинству оценить историческое значение подвига революционного пролетариата России и до конца дней своих сохранить восхищение перед ним.

Каждый шаг Хейвуда на общественном поприще был сопряжен с жестокими испытаниями. Он прошел суровую школу классовой борьбы в рядах Западной федерации горняков, рожденной, по словам самого Хейвуда, в тюрьме. Ему принадлежала ведущая роль в создании ИРМ, в короткий срок ставшей центром притяжения для всех прогрессивных элементов в рабочем движении США. Хейвуд председательствовал на учредительном съезде ИРМ, открывшемся 27 июня 1905 г., а его вступительное слово фактически приобрело значение декларации принципов «нового тред-юнионизма». Никак нельзя объяснить простой случайностью тот факт, что уже через пять месяцев после первого съезда ИРМ У. Хейвуд вместе с двумя его товарищами Мойером и Петтибоном были арестованы и заключены в каторжную тюрьму в городе Бойсе (штат Айдахо) по сфабрикованному обвинению в «заговоре» и убийстве. Угрозу смертной казни над Хейвудом, Мойером и Петтибоном удалось отвести только благодаря огромному движению протеста, которое развернулось в США да и в других странах. На оправдательный приговор, вынесенный Хей-

² Цит. по газ.: Daily World, 1977, 11 Jan.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 200.

⁴ О ИРМ см. подробнее: *Brissenden P. The I.W.W.: A Study of American Syndicalism*. New York, 1919; *Foner Ph. S. The Industrial Workers of the World, 1905—1917*. New York, 1965; *Conlin J. R. Bread and Roses Too: Studies of the Wobblies*. Westport (Conn.), 1969; *Dubofsky M. We Shall Be All: A History of the Industrial Workers of the World*. Chicago, 1969, et al.

⁵ Фонер Ф. История рабочего движения в США. М., 1969, т. IV, с. 541.

⁶ *Koppes C. R. The Kansas Trial of the IWW, 1917—1919.—Labor History*, 1975, Summer, p. 338—358.

⁷ Bill Heywood's Book: The Autobiography of William D. Haywood. New York, 1929, p. 360.

⁸ Флини Э. Г. Своими словами: Жизнь бунтарки. М., 1962, с. 131.

вуду присяжными, первым откликнулся Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Специальное послание Хейвуду, направленное делегатами конгресса, было написано В. И. Лениным⁹.

Антивоенная деятельность Хейвуда, выражение им солидарности с революционным движением в России подтолкнули буржуазную реакцию к новой попытке свести счеты с мужественным вождем уоббли. В ходе массовых полицейских облав и арестов кольцо вокруг руководящего ядра ИРМ быстро сжималось. 29 сентября 1917 г. Хейвуд и более ста его соратников по ИРМ были арестованы в Чикаго и брошены в тюрьму графства Кук, в ту самую тюрьму, где еще в 1886 г. томились жертвы полицейской провокации на Хеймаркетской площади в Чикаго¹⁰.

Согласно общему сценарию властей и полиции, судебному процессу в Чикаго отводилось центральное место в серии судебных процессов над активистами ИРМ, инсценированных по всей стране¹¹. Здесь на скамью подсудимых был посажен 101 человек. Судебный фарс длился почти шесть месяцев, а в перечне самых «ужасных» преступлений фигурировали участие ИРМ в антивоенной пропаганде, разоблачение грабительского характера империалистической войны и, разумеется, агитация в пользу социализма. Судья Кинсоу Моунтейн Лэндис, председательствовавший на процессе, являл собой живое воплощение классового характера буржуазной юстиции, хотя он и старался изо всех сил позировать перед публикой в роли бескорыстного жреца Фемиды.

За многие годы общения с буржуазным правосудием Хейвуд привык не удивляться его уловкам, но во всей атмосфере судебного разбирательства в Чикаго чувствовалось присутствие особо ядовитых примесей. В воздухе повисло слово «измена». ИРМ обвинялась в организации промышленного саботажа и различного рода диверсий на деньги германского кайзера. Самым возмутительным, однако, Хейвуд считал назойливые заявления о том, что вожди ИРМ — это люди без роду и племени, занесенные-де бог весть какими ветрами на девственную американскую почву смутьяны, чуждые высоким патриотическим побуждениям. По своеобразной логике обвинения выходило, что проповедь классовой солидарности международного пролетариата, единства его рядов в борьбе с общим врагом — капиталом и развязанной им войной не совместима с чувством любви к родине, уважением к ее святыням. В обстоятельной речи на суде Хейвуд опроверг эти измышления. Но, видимо, этого ему показалось недостаточно. И уже после вынесения приговора, руководимый желанием до конца раскрыть преднамеренно клеветнический характер главного тезиса обвинения, Хейвуд пишет письмо своему секретарю Элизабет Сервисс в надежде, что она передаст его судье Лэндису и сделает достоянием гласности.

Каждая строка этого письма дышит гордостью революционера-интернационалиста, которому не в чем раскаиваться, ибо он движим подлинным патриотизмом и человеколюбием той вы-

совой пробы, что дается пониманием механизма общественного развития, его главных тенденций и движущих сил. Хейвуд обращается к своей биографии не из-за чванливого самолюбования собственным происхождением, а для того, чтобы показать, что и он сам, и его товарищи не «чужеземцы», а плоть от плоти трудовой Америки, что их любовь к стране глубоко почвенна и натуральна, но она не мешает видеть неизлечимые пороки и язвы американского общества, делающие его пленником эгоистических интересов кучки магнатов, ради сверхприбылей бросивших под каток войны миллионы жизней. Письмо Хейвуда Лэндису — это в сущности первый набросок его знаменитой «Автобиографии», написанной уже в эмиграции и изданной в 1929 г.

Выступая с публичной декларацией о своих политических убеждениях, Хейвуд отлично знал, что доводы рассудка не будут услышаны ни присяжными, ни судьей. Участь подсудимых была решена заранее. И он оказался прав. Большая часть из них была осуждена на тюремное заключение сроком от 5 до 15 лет. Сроки пребывания в тюрьме для Хейвуда и других вождей ИРМ были определены в 20 лет каждому. В общей сложности осужденных промовцев приговорили к 802 годам заключения и свыше 2,5 млн. долл. штрафа¹². Вердикт Лэндиса для Хейвуда был равносильен смертному приговору. Его подорванное за годы борьбы, лишений и застенков здоровье не выдержало бы еще одной длительной физической пытки тюрьмой. Учитывая это, друзья и соратники Хейвуда настояли на его эмиграции. Выпущенный временно из тюрьмы под залог 31 марта 1921 г., У. Хейвуд тайно выехал в Советскую Россию с мандатом делегата I съезда Профинтерна.

Хейвуд оставил американский берег в момент, когда вся западная печать, как по команде, трубила об отчаянном положении и скором свержении Советской власти. Масштабы этой операции по обману и дезинформации общественности и трудящихся не имели себе равных в хронике психологической войны буржуазии Запада против Советской страны¹³. Страницы нью-йоркских и лондонских газет были заполнены описаниями экономической разрухи и развала всего жизненного уклада в России в результате «безумств большевиков». Дело изображалось таким образом, будто в бедах народа России были виновны не война и интервенция, а революция, которая якобы варварски разрушила культурные ценности, отдала улицу во власть безответственных элемен-

¹² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 300.

¹³ Фонер Ф. История рабочего движения в США. М., 1958, т. II, с. 124—136; Аскольдова С. М. Начало массового рабочего движения в США (80-е годы XIX в.). М., 1966.

¹⁴ Taft Ph. The Federal Trial of the IWW.—Labor History, 1962, Winter, vol. 3, N 1, p. 57—91; Лапицкий М. И. Уильям Хейвуд. М., 1974, с. 148—155.

¹⁵ Foner Ph. U.S. of America vs Wm. D. Haywood, et al. The IWW. Indictment.—Labor History, 1970, Fall.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 123—125; см. также: Правда, 1921, 19 апр.

тов и обречла жителей Москвы и Петрограда, других крупных городов вести полупещерный образ жизни. Наверное, именно поэтому после всего перенесенного, услышанного и прочитанного им, наиболее сильными были впечатления от первого дня пребывания в столице Советской России. Каким контрастом выглядела повседневная жизнь Москвы, наполненная трудом и предпраздничным оживлением, по сравнению с мрачными картинами, рисуемыми «большой прессой» на Западе!

Письмо, посланное им из Москвы 18 мая 1921 г., было одним из первых писем, отосланных Хейвудом из эмиграции. Приподнятость и воодушевление, которые вызвало у Хейвуда знакомство с советской действительностью, с новым миром, еще не окрепшим, решающим задачи невероятной трудности, но вопреки злобным пророчествам и клевете живущим полнокровной, динамичной жизнью, устремленной в будущее, — главное, что бросается в глаза при его чтении. В его строках сквозит восхищение и бережным обращением Советской власти с великим культурным наследием народа, и образцовым порядком на улицах Москвы. Письмо хорошо передает состояние раскованности, уверенности в прочности завоеванного трудящимися России и радостного узнавания уже зримых черт и ростков реального социализма. В нем как будто много лишних деталей, но уличные зарисовки не дань любованию городским пейзажем златоглавой Москвы как таковым; они несут определенную политическую нагрузку, опровергая вымыслы буржуазной пропаганды о хаосе, опустошениях, которые якобы принесла России «большевистская власть».

Читая письмо Хейвуда, невольно сравниваешь его с другим письменным свидетельством о Москве и московской действительности конца 1920 — начала 1921 г. У Герберта Уэллса в книге «Россия во мгле» мы тоже находим стремление к фотографической точности описаний, но как велика разница в понимании движущих сил и сущности пролетарской революции у писателя-фантаста, кабинетного мыслителя, и у практика рабочего движения, преданного революционному делу, чей исторический оптимизм имел прочную опору в интернациональном коллективном опыте передового общественного класса и в созидательных способностях пролетариата, раскрывшихся в социальных завоеваниях первого в мире социалистического государства.

Письмо Хейвуда весьма интересно и с точки зрения установления и уточнения фактов его участия в ряде важных событий, таких, как III конгресс Коминтерна, IV Всероссийский съезд профсоюзов.

Оба письма написаны на английском языке и адресованы секретарю У. Хейвуда мисс Элизабет Сервисс.

Автор настоящей публикации весьма признателен миссис Дайан Майлс, сотруднице Библиотеки У. Рейтера в Детройте, за любезное содействие и помощь в работе над автографами У. Хейвуда.

В. Л. Мальков

Тюрьма графства Кук,
Чикаго, Иллинойс,
5 сентября 1918 г.

Дорогая Элизабет.

В будущем Вы сможете каким-нибудь путем убедиться, что сведения, которые я собираюсь сообщить Вам сейчас, стали известны и судье Кинсоу Моунтейну Лэндису, хотя я излагаю эти факты совсем не для того, чтобы просить милосердия или по каким-либо другим мотивам, за исключением одного — порой я хочу, чтобы он знал родословную по крайней мере одного из тех, кого приговорил к двадцати годам тюрьмы, что для человека моих лет, в особенности, равносильно лишению свободы на всю оставшуюся жизнь.

Должен заметить, что все мои предки были солдатами. Отец моей матери был шотландцем по имени Генри Джордж Легг и служил офицером в английской армии; он участвовал в Африканской войне 1806 г. и женился на ирландке. Моя мать родилась на Мысе Доброй Надежды 30 ноября 1850 г. Матерью Генри Джорджа Легга была леди Стюарт, которая, похоже, никогда так и не простила своему сыну то, что он взял в жены женщину, ниже себя по происхождению. Дед не вернулся домой, найдя смерть в Африке, причем ее причиной послужило пулевое ранение. Моя бабушка снова вышла замуж и во время золотой лихорадки в Калифорнии переехала в Америку, а затем пересекла прерии в степных повозках с тем, чтобы застрять в Солт-Сити, штат Юта, где болезни настигли семью и заставили остановиться.

Мой отец также был среди пионеров, он приехал на Запад мальчишкой, работал рассыльным и, развозя почту с деловыми и любовными посланиями, постоянно вступал в стычки с индейцами. В Солт-Лейк-Сити он встретил мою мать. Они поженились в январе 1866 г., и, если мне не изменяет память, в Рождество того же года родилась моя сестра Элизабет, а 4 февраля 1869 г. на свет появился и я. Меня называли буревестником, потому что я был, пожалуй, самый первый младенец не мормон, родившийся в Солт-Лейк-Сити. Три года спустя мой отец умер от пневмонии, осложнившейся от огнестрельного ранения. Я помню, хотя был еще совсем маленьким, как воткнули в холм земли на его могиле оружие, она находится в Кэмп-Флойд, где ныне расположен участок огромных горных разработок в Меркуре, штат Юта.

В знак признания заслуг моего отца и других рассыльных системы Пони-Экспресс в Денвере одно время обсуждали вопрос о сооружении памятника людям, освоившим горы и плато. Тогда я находился в тюрьме в Бойсе, штат Айдахо. Узнав об этом, я изложил в письме свои предложения о том, как выразить в камне дань уважения бесстрашной и благородной деятельности рассыльных Пони-Экспресс. Джилберт, художник, сделал эскиз монумента, идею которого я предложил, а Деймон Каньон сочинил поэму. Все эти три вещи — мое письмо, эскиз и поэма были направлены в адрес газеты «Денвер таймс».

Какую роль в этом сыграла моя идея, трудно сказать, но так или иначе у подножья Законодательного собрания в Денвере теперь возвышается прекрасный памятник всаднику системы Пони-Экспресс.

Когда-нибудь я смогу рассказать и о других монументах в Денвере, о таких, например, как дымовая труба завода Гранд Сметтер, представляющая собой одно из самых высоких строений в мире. Ее ведь тоже можно рассматривать как своеобразный памятник борьбе за восьмичасовой рабочий день.

Но сейчас я вернусь к повествованию о моих предках по отцовской линии. Мой дед умер в Фейрфилде, штат Айова. Он был ветераном мексиканской и гражданской войн. Мой дядя Томас Джефферсон Хейвуд был похоронен всего несколько лет назад со всеми воинскими почестями в Де-Мойне, штат Айова, там же, где, как я думаю, похоронен и мой дядя Ричард Миссич.

Мой прадед участвовал в революции и после смерти был похоронен в Маунт-Верноне, недалеко от Вашингтона, округ Колумбия.

В далеком прошлом один из наших родственников по отцовской линии имел крупные земельные владения в тех местах, в которых расположен теперь Бостон, штат Массачусетс. Епископ Дадли и капитан Уэллс много раз пытались пробудить в моей бабке интерес к восстановлению ее права на эту собственность.

Члены семейства Хейвудов, которые проявляли больше внимания, чем я, к генеалогии, говорят, что Тос Хейвуд-младший из Южной Каролины, поставивший свою подпись под Декларацией независимости, был моим предком. Хотя написание его имени несколько отличается от нашего¹, очень возможно, что и те и другие ведут свое начало от одного корня.

Даже беглое чтение этого письма способно показать, что именно война лишила меня отца. Я никогда не знал радости, которую приносит детям игра на коленях у деда. Может быть, мой отец и разделял убеждение в справедливости политических войн, но что касается меня, то об этом не может быть и речи. Мое отношение к этому определяется отнюдь не одним только чувством, хотя в душе я всегда питал огромную любовь к отцу.

Мое отношение определяется знанием, которое я получил о сущности войны, об экономических причинах, вызывающих безжалостные боины, именно это понимание заставило меня ненавидеть войну как институт.

Вот почему я надеюсь, что эта война навсегда уничтожит прусское юнкерство, приведет к объединению наций и установлению всемирной промышленной демократии.

Вы, мой славный друг, лучше большинства других понимаете эти самые сокровенные мои побуждения. Вот почему я прошу Вас сохранить это письмо, и, когда взбесившийся, злобный мир освободится от части бушевающей его ненависти, когда люди, говорящие на разных языках, люди разных рас и вероучений смогут взглянуть друг другу в лицо с чувством взаимопонимания и осознать, что земля должна служить пользе и счастью всех людей, тогда даже любое существо вроде Лэндиса поймет слова великого мученика: «Мир — это моя страна, человек — мой брат, делать добро — мое призвание».

Итак, я избираю этот не новый способ, т. е. сообщаю судье Лэндису сначала о том, кто я такой, а затем уже о своих политических убеждениях, которые фактически являются общими для нас всех. Вы можете сделать выдержки из этого текста и отослать их ему когда-нибудь в будущем.

Возможно, это поможет ему осознать, что суды не являются непогрешимыми и что человечность и есть высший закон на земле. Ни одна часть этого письма не способна уже принести нам облегчения. Судья уже сделал свое дело, но он пожизненно занимает свое место, и письмо может заставить его призадуматься в том случае, если подобное дело вновь окажется у него на рассмотрении.

Хочу верить, что Вы не отнесетесь к этому как к непосильному поручению, времени у Вас предостаточно. Остаюсь всегда Вашим другом.

У. Д. Хейвуд

№ 2

Москва, Россия

18 мая 1921 г.

Дорогая моя дочурка!

Ваше теплое письмо от 16 апреля, каждое слово которого исполнено печали, я получил позавчера, и хотя можно было бы написать мне о многом, что представляет особый интерес, Вы всецело были поглощены мыслью хоть как-то утешить меня. Вас переполняют раздумья по поводу того, следовало ли мне возвращаться в тюрьму. Хотел бы я знать, что чувствовали все вы — Вы и мои друзья, когда узнали, что я избежал несправедливости, свалившейся на столь многих моих соратников. Бетти, поверьте мне, что я не уехал бы без того, чтобы не избавить моих поручителей от потерь, которые могут выпасть на их долю. Я был делегирован Панамериканским бюро, решившим, что не существует никаких причин, по которым мне следовало вернуться в тюрьму. Так я согласился на эмиграцию.

Вы узнали из газет, что я уехал 31 марта. Большая часть из опубликованного соответствует действительности. О фактической стороне дела я напишу позже.

На 20-й день утром я был разбужен громким перезвоном церковных колоколов этого таинственного города — Москвы. Воздух вибрировал от металлических голосов, временами сливавшихся в монотонном унисоне, как звук набата. Короткая пауза, а затем снова звон, стенания и всхлипывания колокольного ансамбля. Ритмичный, музыкальный бедлам бронзовых чудовищ с огромными глотками — грозное предупреждение всем верующим и неверующим.

Приятным диссонансом прозвучал звонок, приглашающий на завтрак. Я сбросил одеяло, а вместе с ним все раздумья о трудностях и испытаниях, с которыми пришлось столкнуться на долгом пути в этот златоглавый город. Быстро заканчиваю свой туалет, съедаю завтрак — каша, черный хлеб, масло и чай, — и мы выходим из отеля, с тем чтобы оказаться на Тверской. Несколько минут ходьбы, и мы на площади возле памятника Пушкину. Трамваи двигались в разные стороны, и точно так же, как это они делают во всех странах, кондуктора назойливо звонили в свои звонки. Но есть и различие, которое состоит в том, что в Москве трамвай принадлежит народу, которому он и служит. Не слышно здесь также и зануд-

¹ Thos Heywood.

ливого треска кассовых аппаратов, регистрирующих плату за проезд, так как пользование трамваем бесплатное.

Мы не воспользовались привилегией путешествия в трамвае, так как ни один из них не шел в нужном нам направлении, повернули назад и спустились вниз по Тверской. По пути, позванивая колокольчиком, нас обогнала пожарная повозка, запряженная парой черных лошадей с длинными развевающимися хвостами, на которой восседали пожарники в начищенных до блеска медных шлемах. Пожар, куда они спешили, случился в здании на Тверской. Это прекрасное здание с отделанным мозаикой фасадом. Нижний этаж его до революции был отведен под фешенебельный магазин дамского белья. Мы оставили это место в тот момент, когда пожарники начали разматывать свои шланги, и прошли дальше к воротам внутреннего города — Кремлю, который на протяжении многих столетий был резиденцией царей и дворянства, пока рабочие не изгнали их из этого временного рая.

За стенами Кремля расположены церкви и дворцы, старые и новые. Тот из них, который построен последним, — само великолепие. В нем, утлая в королевской роскоши, жили последний царь из династии Романовых и его двор. Рядом с дворцом стоит самая древняя из 16 сотен московских церквей. Почти все из них увенчаны куполами, покрытыми золотом. Купола самой старой из них покрыты свинцом.

Для того чтобы описать дворец, потребуется много времени и знание архитектуры. Залы просторные, обставленные с грандиозной пышностью. Кругом черное дерево, слоновая кость, золото, жемчуг, хрусталь, красное дерево, клен, ореховое дерево и дуб, шелк, сатин, прекрасные гобелены и ковры. Потолки и стены украшены живописью на библейские сюжеты.

Тронная зала с возвышением, в южном углу — три золотых кресла, увенчанных золотым орнаментом. Потолок величественной палаты подпирают сверкающие позолотой колонны, пол выложен различным цветным деревом, высокие окна, расположенные на восточной стороне, смотрят на Москву-реку и на уходящие вдаль дома трудового люда в том виде, как они существовали при царском режиме.

Георгиевский зал, занимающий часть дворца, по размерам превосходит Тронный зал. Он также великолепен — высокий потолок, огромные хрустальные люстры, мраморные стелы, на которых высечены исторические даты, пол же просто поразителен и в отношении художественного замысла и в отношении мастерства его исполнения. Покрывающий его паркет набран из 26 различных ценных пород дерева.

Объявлено, что в этом зале состоится первое заседание Третьего Интернационала¹.

Рядом с этим залом находится церковь с высокой звонницей, на которой висят колокола огромных размеров, и здесь же поблизости, покоясь на ложе из камней и кирпича, — Царь-колокол, одно из семи чудес света, самый большой из всех когда-либо отлитых колоколов. Он был поврежден во время пожара еще до подъема на место, вследствие чего от него откололся большой кусок. Представьте себе колокол высотой в 28 футов, 66 футов в окружности и весом в 200 тонн. Джером Лифман, уроженец Детройта, который выполняет теперь обязанности моего секретаря, был вместе со мной во время этой прогулки. Когда я хотел идти дальше, он поддался назад.

Я спросил его, в чем дело. На это он ответил, что хочет увидеть человека, который звонит в этот колокол, возвещая обедню!

Покидая Кремль, мы прошли мимо арсенала и казарм красноармейцев, где шли занятия; мы вышли в Александровский парк через Троицкие ворота.

На противоположной стороне внутреннего города под сенью краснокирпичной стены лежат бессмертные останки многих наших товарищей и среди них Джек Рид.

Заговорили колокола Ивана Великого, вызванивая мелодию, которая повергла в состояние страха весь капиталистический мир. Это Песня Свободы — «Интернационал». Я написал для Вас небольшой очерк о московских колоколах² под названием «Московские колокола».

Я думаю, что мог бы писать бесконечно много обо всем, что я видел и слышал здесь, в этой прекрасной стране и о ее еще более прекрасном народе.

Когда я приехал сюда, то узнал, что Вы потеряли «Лэдди» и что получили мое письмо с наставлениями о собаке. Мой знакомый рассказал мне, как все, и Вы в том числе, любили пса, но я так и не получил ответа от Вас. Я очень жалею, что Вы потеряли щенка, он был таким милым. Передайте привет Джиму, когда увидите его. А также Джорджу, Лиззи и Хэрриет Коскинян, Эдит, Олив, Вашей матери и милым сестрам, а также Биллу, Дейву и Тео.

Вообразите себе, что живете в стране, где рабочие контролируют все и управляют всем. Стоит приехать в страну, в которой в пределах ее границ народу принадлежит все — железные дороги, автомобили, отели, а все нуждающиеся обеспечиваются одеждой.

Мне предстоит работа и довольно большая. Я присутствовал на открытии съездов профсоюзов Москвы и Всероссийского съезда профсоюзов³, в которых приняло участие в каждом случае по 2500 делегатов. Меня попросили выступить с речью.

Я беседовал с Лениным, Лозовским и многими другими. Члены ИРМ пользуются здесь высоким уважением. Многие занимают ответственные посты и приносят большую пользу и как борцы и как рабочие.

Максим Горький выступает сегодня вечером на съезде. Передайте мои лучшие пожелания Мэтту, а Вам, моя дочурка, шлю самые сердечные слова приветов. Пишите мне скорее, не забывайте, что письмо идет очень долго.

Ваш папа Билл

Бетти, дорогая.

Пожалуйста, пришлите мне одну или несколько экземпляров той самой зеленой переплетенной брошюры, которую О. Андерсен передал мне.

Мой адрес: У. Хейвуд⁴. Отель «Люкс», комната⁴ 33, Москва, Россия.

¹ Речь идет о III конгрессе Коминтерна, открытие которого состоялось 22 июня 1921 г.

² Эти слова написаны Хейвудом в русской транскрипции.

³ Речь идет о IV Всероссийском съезде профсоюзов.

⁴ Написано по-русски.